

Бедлам

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 26 января, 2025
Бедлам БЕДЛАМ

Свирепое море гудит в непогоду
И, голову тяжко подняв к небосводу,
То падает, то, накалясь добела,
Бросает на скалы людские тела.
Пожар завывает грозней и жесточе,
Когда в безнадежности пасмурной ночи
Он топчет, как дикий табун, города.
Но злые стихии – огонь и вода,
В их похоти грубой, с их яростью краткой, –
Ничто по сравнению с иной лихорадкой.
Она леденит наше сердце навек.
Смотрите: душевнобольной человек, –
Лишь тень человека, – томится годами
Под мрачными сводами, в страшном Бедламе.
Плачевное зрелище! Вот он бредет,
Низвергнутый в дикую тьму идиот,
До пояса голый, согбенный тупица,
Бредет он, шатаясь, боясь оступиться,
С опущенным взглядом, с бескостной спиной,
С руками, повисшими мертвой лозой,
С глазами, что смотрят бессмысленно-тускло.
И рот, и глаза, и любой его мускул,
И низкий, изрытый морщинами лоб –
Все, кажется, быть стариковским могло б.
Он молод годами. Но, взявши за горло,
Безумье к земле человека приперло.
И черепом лысым увенчан скелет.
И мнится: бедняге под семьдесят лет.
Машина оглохшей души бесполезна,
Но все-таки вертится в сцепке железной.
И днем его небо окутано тьмой.

И летом он темен, и мрачен зимой.
Уснет, и во сне ничего не приснится.
И, дня не заметив, откроет ресницы.
Живет он, бесчувственный к бою часов,
Он брошен во Время, как в чащу лесов.
Слюна набегает, пузырится пеной.
Он никнет на ложе свое постепенно.
Навеки вокруг темнота, тишина.
Когда же он ляжет для вечного сна
И в землю вернется, не вызвав участия, –
Материя вновь распадется на части.

Смотрите: другой за решеткой не спит,
Постель его смята. Он скачет, вопит.
Молчания нет в одиночной палате.
Он роет солому и рвет свое платье,
Как будто в ожогах вся кожа его.
Глядит, и белки стекленеют мертво,
Зубами скрипит, кулаком потрясает,
Кровавая оргия в нем воскресает.
Не будь он в цепях, – берегитесь тогда!
Попасться в могучие лапы – беда.
Двойная дана сумасшедшему сила!
Дай только ей волю – рвала бы, крушила
Могильные плиты в столетней пыли,
Прошла бы по дальним дорогам земли,
Неслась бы в горах грохотаньем обвала,
Овраги бы рыла, дубы корчевала.
И вот он простерт на земле, и, хоть плачь,
Бессилен и наг этот дикий силач.
И вертит его колесо вихревое,
Сверкая нагими ножами и воя.
Парит разрушенье над башенным лбом,
Как в небе стервятник парит голубом.
И только рычанье да смех беспричинный
Внезапно, как молнии, спорят с пучиной.
И если он крикнет – то здесь глубина

Нечленораздельного, страшного сна:
Горячка справляет победу лихую,
Сквозь бедную глотку трубя и ликуя.
А смерть не добила страдальца еще
И сзади стоит и трясет за плечо.

Вот так и стоишь пред столбами Геракла:
Отвага слабеет, и воля иссякла,
Но наглухо вбиты, не дрогнут столбы.
И снова о них расшибаются лбы.
Загадка для всех мудрецов это зданье.
Здесь гибель назначила многим свиданье:
Тот явится после утраты души,
Внезапно лишенный покоя в глуши,
Другой – заглядевшийся слишком упорно
В созданье бездонное, в ад его черный.
И грязный преступник, и честный герой
Подвержены общей болезни порой.
Любого гнетет одинаковой властью
Проклятый недуг, роковое несчастье.
И лорд, и король, и священник, и нищий –
Все легче соломинки в брэнном жилище.
Постой у широко распахнутых врат.
Здесь гордость и алчность незримо царят.
Да, гордость и алчность одни! Их призыву
Послушны все твари, кто мыслят, кто живы.
Во тьму слабоумья влечет их поток...

Прощай же, Бедлам, безутешный чертог!
Я глубже проникнуть в тебя не рискую,
Я только смотрю на толпу городскую
И вижу, что яростный гомон и гам
Звучит, как молитва безумным богам,
А небо английское, в тучах косматых,
Похоже на сумрак в больничных палатах. Goşgular